

В. Н. НАЗАРОВ

Метафоры непонимания: Л. Н. Толстой и Русская Церковь в современном мире (1991)

«Они не понимали друг друга; даже не знали. И — разошлись. До проклятия с одной стороны (отлучение Толстого от Церкви), до полного пренебрежения — с другой (отношение Толстого к Церкви)». Так охарактеризовал В. В. Розанов ту непримиримость позиций, которая сложилась между великим русским писателем, религиозным мыслителем, и Русской Церковью и которая сохраняется и по сей день.

В этом трагическом непонимании нам видится сегодня некий символ расщепления единого древа русской культуры, некое «вавилонское смешение языков» русской духовности, приведшее к разрушению всего духовного здания. И сегодня от нас зависит либо углубить, заострить это непонимание, либо, напротив, найти те общие связующие нити, тот живой дух примирения, который позволит сплотить высшие духовные силы русской культуры в борьбе против современного «язычества» и «демонизма».

Именно на такие мысли наводит выход в свет первой книги, выпущенной толстовским издательством «Посредник», существовавшим в России с 1884 по 1936 гг. и возобновившим свою деятельность на родине Толстого, в Туле. Это — книга Л. Н. Толстого «Евангелие для детей» (вступительная статья, составление и комментарии Б. Ф. Сушкова). Наряду с работой, давшей название всему сборнику, сюда включены избранные религиозно-нравственные сочинения мыслителя, обращенные к детям и юношеству: «Беседы с детьми по нравственным вопросам», «Любите друг друга», «Верьте себе» и др.

Само возобновление деятельности «Посредника» — событие большой духовной значимости. Возникнув в конце 1884 г. в

* Розанов В. В. Религия и культура. М., 1990. Т. 1. С. 357.

Санкт-Петербурге по инициативе Толстого и под руководством В. Г. Черткова, затем П. И. Бирюкова, а с 1897 г. — И. И. Горбунова-Посадова, издательство ставило своей целью противопоставить елейному потоку лубочной литературы, опошляющей вкус народной духовности, общедоступную, просветляющую, духовно взвешенную мысль.

И сегодня, когда лубок вновь начинает свое победоносное шествие через астрологическую, эротическую, «душеспасительную» и тому подобную книжную продукцию, деятельность «Посредника» может и должна внести свою лепту в охрану духовной культуры. За ним стоит мощная просветительская традиция, всемирная народная мудрость.

Но для этого очень важно с самого начала осознать своих истинных противников, извращающих духовность, пропитывающих ее пошлым и одурманивающим духовидением, самовозгорающейся чувственностью. Но, как можно судить по тону и замыслу первой книги, она полемически заострена против «христианско-церковного» догматизма, вновь возбуждая страсти к застарелой вражде Толстого и Русской Церкви. Кому-то постоянно нужно поддерживать эту напряженность, углублять расхождение и непонимание Толстого с православной верой.

В чем же суть расхождения Толстого с русским христианством? В том, что Толстой, отрицая метафизические постулаты христианства, воплощенные Церковью в ее таинствах и догматах, попытался дать *нравственную* интерпретацию этих положений. Если обратиться как раз к толстовскому «Евангелию для детей», в котором особенно ярко проявилась эта тенденция очищения учения Христа от чудес и таинств, то можно отчетливо видеть, что представляет собой толстовская интерпретация христианского учения.

В Евангелии повествуется, например, о борьбе Иисуса с дьяволом-искусителем (Мф. 4, 1–10). Толстой же переосмысляет это «явление» как *метафору* нравственного борения Христа с одолевающими его мыслями о славе, о власти земной и т. п.

Вся полемика Толстого с церковно-христианской мыслью сводится не к отбрасыванию, извращению, отрицанию краевых положений веры, а к способу их интерпретации. В письме к редактору миссионерского сборника (от 15 апреля 1909 г.) Толстой прямо пишет, что «сущность моего религиозного мировоззрения — никак не в отрицании законных догматов... а в положительной стороне христианства, отвечающей требованию моей души...» Это непонимание друг друга не на уровне «сущностей», а на уровне метафор.

В православной религии речь идет о вере в некоторые исходные, краеугольные положения — символы, метафоры высшей реальности (Троица, Боговоплощение, Воскресение и т. д.). У Толстого речь идет о вере в нравственные символы этой высшей реальности (любовь, непротивление злу насилием, духовное самосовершенствование).

Само обострение и противостояние возникает здесь не столько из существа веры, сколько из определенной идейной, полемической обстановки, определяемой исторической позицией Русской Церкви в то время, ограниченностью тогдашнего духовенства, его недостаточной просветительской жертвенностью и отчужденностью от жизненных интересов народа и т. д. Толстой полемизировал прежде всего с социальным институтом Церкви, оставив за пределами внимания идею Церкви как высшего духовного братства, как тела Христова, преобразованного в единую Церковь.

Мы не узнаем никогда, хотел ли Толстой покаяться, оказавшись за несколько дней до смерти в Оптиной пустыни. Здесь важно другое. Уход из Ясной Поляны — этот сверхпоступок Толстого, выведший его на более высокий виток нравственного искания истины, — необходимо должен был повлечь за собой и изменение его метафор понимания, качественную «умоперемену», что делало вполне вероятным и покаяние, и выработку такого «языка веры», такого предощущения истины, которые обнаружили бы всю несущественность толстовского расхождения с церковным христианством. Речь идет, конечно, не об элементарном примирении позиций, но о создании такого учения, которое выявило бы всеобщие структуры духовности, вобрало бы метафоры христианских догматов и нравственные символы любви в единый прасимвол как выражение некой высшей духовной реальности.

Подступ к этой новой толстовской метафоре духа можно видеть в его глубоком интересе к *мистике*. Именно мистика Восточной Церкви и могла бы явиться таким примиряющим духовным полем.

В последние годы жизни у Толстого действительно намечался определенный духовный поворот. Он с интересом читает мистическую литературу (см. запись в «Дневнике» от 9 февраля 1908 г.), вновь обращается к житиям святых *. В его понимании

* Об интересе Толстого к духовно-православной литературе в целом см.: *Черткова А. К.* Толстой и его знакомство с духовно-православной литературой // *Голос минувшего*. М., 1913. Кн. 5.

Бога все больше начинает преобладать интуитивно-мистический момент, сверхчувственное постижение.

Особенно знаменательным является разочарование Толстого в разуме. «Я прежде думал, — записывает он в «Дневнике» от 31 марта 1908 г., — что разум есть главное свойство души человеческой. Это была ошибка, и я смутно чувствовал это. Разум есть только орудие освобождения, проявление сущности души — любви. (Очень важно.)»

У позднего Толстого мы находим настоящую *мистику любви*. Речь здесь вовсе не идет о нравственном преломлении принципа любви к ближнему, любви к врагу и т. п. В статье «Любите друг друга», включенной в выпущенный «Посредником» сборник, Толстой прямо говорит, что речь идет вовсе не о любви к ближнему, а о любви к самой идее любви. Надо «любить начало любви, любить любовь, любить Бога, — пишет он. — Любить не для того, кого любишь, не для себя, а для любви» (С. 171). Разве не намечается здесь переход Толстого от элементарно-нравственного понимания христианства к духовно-мистическому?

Исторический спор Толстого с церковным христианством показал, что и та и другая сторона не хотели понять, узнать друг друга. Не пришло ли время прояснить эти «метафоры непонимания»? От своего имени Толстой сказать уже ничего не может. Но эта возможность есть у Русской Церкви. Не пора ли понять и принять Толстого как великого русского христианина, выразившего в своем учении о законе любви, о непротивлении злему неисчерпаемые гуманистические возможности русского православия.

